

Для бурят, хакасов, якутов в традиционной хозяйственной деятельности был характерен высокий уровень экологической культуры. Последнее было особенностью образа жизни многих аборигенных народов мира в II половине XIX–начале XX вв.

Н.Н. БЫКОВА

ПРОТЕСТЫ КАТОРЖАН АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЦЕНТРАЛА (начало XX в.)

Режим каторжного централа был направлен на физическое и психическое подавление каторжан. Каторжане практиковали различные приемы сопротивления тюремной системе. Можно провести своеобразную классификацию приемов борьбы. Если за основу взять критерий количество каторжан, принимавших участие в том или ином виде протеста, то можно выделить протесты массовые и индивидуальные. Если критерием считать характер конкретной акции протеста, то они разнились от протестов без применения насилия над тюремными служащими (пассивные) до экстремистских (активные).

Необходимо отметить, что с 1906 г. коренным образом изменился состав тюремного населения. Политические заключенные, не находившие до того времени других форм протеста, кроме пассивных, и в частности — отказа от пищи, или так называемых голодовок, перешли к активным и открыто враждебным действиям против тюремной администрации (*Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905–1910 гг. // Журнал мин-ва юстиции. 1910. № 7. С. 177*). Среди пассивных видов протеста можно назвать такие как отказ каторжан выполнять требования администрации, унижающие человеческое достоинство; обструкции начальства; заявления каторжан, которые выражались в устной либо письменной формах; голодовки и пр. Активные виды протеста осуществлялись также в различных формах, а именно, самоуничтожение, побеги и пр. Выбор применения того или иного вида протеста зависел, во-первых, от численности политических каторжан в тюрьме, во-вторых, от тюремного режима.

Протест — это специфическое выражение своего несогласия с издевательствами служащих над арестантами, с унижительным положением человека в тюремных условиях. Поэтому к протестам прибегали многие каторжане, в том числе и уголовные. В современной исследовательской литературе, да и в воспоминаниях политкаторжан, вопрос о формах протеста освящен достаточно широко (*Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... Минск, 1971. С. 252–253, 288–289; Дмитриев Д.И. Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах*

мах Восточной Сибири (1907–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989. С. 73–75; Жуковский-Жук И. К истории побега из Александровского централа: Письма С. Ильинского // Каторга и ссылка. 1925. № 1. С. 220–224; Кудряевцев Ф.А. Александровский централ... Иркутск, 1936. С. 30–31, 51–53, 55–56; Минаев И. Как мы бежали из Александровского централа // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 141–145; Побег из царских тюрем: Сб. составил Б. Струмилло. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 99 с.; Тимофеев Е. Лука Дорофеевич Годун // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 138–142; Фабричный П. Вооруженный побег из Александровского централа // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 121–125; Шенмайер Н.Г. Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. С. 138–139, 160–161, 170–172; Щербаков Н.Н. Большевики в Восточносибирской ссылке (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1967. С. 130–159). Однако, на наш взгляд, он рассмотрен односторонне. В литературе сложилось мнение, что участниками протестов были только политические узники Александровского централа, и об участии в них уголовных — вопрос не рассматривался. Необходимо заметить, что и уголовные каторжники довольно часто принимали участие в различных формах протеста. Их участие находило свое выражение, как в индивидуальной форме, так и в совместной с политическими каторжанами.

С прибытием матросов в стенах тюрьмы начали происходить невиданные события. Мертвую тишину сменило бодрое пение революционных песен. Ими вместо утренней молитвы начинался и заканчивался тюремный день. Эти песни поднимали настроение заключенных и доводили до бешенства администрацию. Смотритель тюрьмы, его помощник и надзиратели пытались заставить политических заключенных прекратить пение. У них отбирали постельные принадлежности, лишали горячей пищи, применяли телесные наказания, отправляли в карцер. Например, 22 июня 1906 г. по постановлению № 47 смотрителя Александровской центральной каторжной тюрьмы за демонстративное пение революционных песен в присутствии смотрителя тюрьмы Г.Д. Абрамов был посажен в карцер на 3 суток (ГАИО, ф.226, оп.2, д.7, л.6). Политические каторжане отказывались «стать на молитву», отвечать начальству «здравия желаем», а также исполнять другие унижительные требования администрации. За не снятие шапки перед смотрителем политические каторжане наказывались карцером до 3 суток. Так, например, политический Котлов был отправлен в карцер за то, что на приеме у смотрителя Ф.Савицкого не снял шапку. Политические каторжане, а их было более тридцати человек, заявили сочувствие своему товарищу, признали его поступок правильным и потребовали освободить его из карцера, или посадить их к нему. Все были посажены в темный карцер. Посаженных в карцер морили жаждой, не давали воды, да вдобавок напустили угару,

чтобы всех отравить. Однако, это стало известно в камерах и каторжане подняли бум, и добились освобождения политических из карцера (*Там же, ф.р. 1406, оп.3, д.14, л.86*).

В стенах централа неоднократно объявлялись голодовки, как выражение несогласия заключенных с бесчеловечным обращением надзирателей со своими подопечными. В ответ на такой шаг администрация прибегала к различным мерам наказания, что в свою очередь приводило к объявлению уже массовых голодовок либо к выражению протестов в письменном виде. Письменные протесты выражались заключенными и по другим причинам. Примером такого вида протеста против произвола, насилия тюремщиков и бесчеловечных условий содержания арестантов в тюрьме может служить открытое письмо к Иркутскому губернатору на смерть большевика И. Быкова в Иркутской тюрьме 14 августа 1904 г. Это письмо было подписано политическими арестантами Александровского централа М. Ветошкиным, А. Гостиловским, В. Дахновым, братьями В. и И. Локуциевскими, Г. Обедниковым, А. Ширямовым, Ф. Ягодиным (*Там же, л.13*).

В ноябре 1906 г. политические каторжане направили Иркутскому генерал-губернатору письменный протест, где требовали оградить их от издевательств тюремной администрации. Заключенные писали: «Все мы, нижеподписавшиеся арестанты, требуем: 1) об удалении от службы в сей тюрьме старшего надзирателя Токарева, в виду неприязненных действий к нам, выразившихся в таких фактах как даже избивание и прокалывание железом наших товарищей при взятии в карцер и 2) о переводе нас в одну из тюрем за Байкалом, ввиду того, что когда мы пошли для объяснений с тюремной администрацией по поводу вышеизложенного, то смотритель тюрьмы Ф.Савицкий, в присутствии товарища прокурора Иркутского окружного суда г-на Шерор, угрожал нам следующим: «Теперь Государственная Дума разогнана, и мы с вами церемониться не будем». Ввиду всего выше изложенного — угрозы смотрителя и действий старшего надзирателя, мы обращаемся со справедливым требованием, так как мы ни в какое время и ни в каком случае не гарантированы не только от побоев надзирателей, но и от убийства при помощи военной силы...» (*Кудрявцев Ф.А. Александровский централ... Иркутск, 1936. С. 30–31*).

Как правило, открытое неподчинение тюремному режиму имело негативные последствия для заключенных — наказания. Такая мера «воспитания» узников централа выполнялась администрацией тюрьмы, чаще всего, в виде заключения непокорных в карцеры. А эта мера, в свою очередь, вызывала ответный ход каторжан — объявление голодовок.

Наиболее яркой и дерзкой формой протеста были побеги каторжан из тюрьмы. Дело в том, что Александровский централ представлял собой хорошо укрепленное каменное сооружение с высоким каменным забором. Здание тюрьмы охранялось круглосуточно, как внутри, так и

снаружи. Бежать из такой тюрьмы было особенно сложно. Кроме того, место расположения централа не оставляло практически никакой надежды на спасение после побега. Ведь тюрьма находилась далеко от Иркутска, ее окружали горы и непроходимая тайга.

И все же побеги каторжан из централа случались, хотя удачными из них были немногие. Порой из-за некоторых обстоятельств приходилось откладывать тщательно спланированное мероприятие и даже вообще отказываться от разработанного плана побега. Примеров несостоявшихся побегов в истории Александровской каторги немало.

Побеги, которые все же совершались, были либо групповые, либо индивидуальные. И вместе с тем, можно выделить побеги двух видов: побеги без совершения убийств тюремной охраны и вооруженные побеги с убийством охранников. Чаще всего бежали в одиночку, реже — по 2–3 человека и крайне редко — большой группой. Другой особенностью этой формы протеста было время года. Здесь предпочтение отдавалось сравнительно теплomu времени года: весенне-осеннему.

С 1 января 1906 г. по август 1913 г. установлены фамилии 298 бежавших каторжан, числившихся на учете Александровского централа (ГАИО, ф.226, оп.1, д.191, л.3–7). Следует отметить места пребывания каторжан на момент побега, систематизировав их можно назвать следующие: 1) из рабочей команды, 2) с работ на огородах, 3) с покосов, 4) с работ по перекладке дров, 5) из больничной рабочей команды, 6) из пожарной команды, 7) с работ по заготовке дров и расчистке полей, 8) из Тельминской богадельни, 9) с фермы Плишкино, 10) с железнодорожных работ, 11) с работ на каменноугольных коях. Здесь перечислены вне-тюремные объекты, т.е. внешние работы, где возможностей для побега было больше, ведь здесь не было высоких каменных оград и такого количества охраны, как в тюрьме.

Но были побеги и из тюрьмы. Они особенно участились сразу после поступлений политических каторжан. Так, в 1906 г., когда тюрьма была еще на «вольном» положении, предпринимались попытки вести подкопы из водокачки, из бани. Они провалились, так как трудно было держать в секрете проводимые подготовительные работы — в условиях открытой тюрьмы конспирация была практически не возможна. В этом же году группа матросов повела подкоп из одной камеры в нижнем этаже, но этот факт был обнаружен надзирателями.

Удачным был побег матроса И. Моторного, известного участника восстания 1905 г. на броненосце «Георгий Победоносец». Запомнилась фраза, написанная Иваном Спиридоновичем в заявлении «долг перед Родиной ставлю выше свободы жизни» (*Там же, ф.226, оп.2, д.79, л.3*). В этих словах, на наш взгляд, выражен глубокий патриотизм и вера в справедливость избранного пути. А в 1906 г., уже находясь в Александровском центре, И. Моторный работал в тюремной лавочке и имел

пропуск выхода в село. И однажды каторжанин воспользовался этой льготой, ушел в село и не вернулся. Так, довольно удачно для бежавшего закончилось тяжелое пребывание в тюрьме.

С февраля 1907 г. режим содержания заключенных Александровской тюрьмы начинает меняться в сторону ужесточения. Однако, это только усиливает желание узников вырваться на свободу, тем самым, выражая протест тюремному режиму. Наблюдается тенденция увеличения числа побегов, в частности за 10 месяцев 1907 г. За этот период было совершено 30 побегов. Из них большая часть — это побег в одиночку, остальные от 2 до 3 и один — 4 человека. За этот период времени массового побега зарегистрировано не было. Характерно, что побег заключенные совершали не из здания централа, а вне его. Как правило, побег были из рабочей команды, либо с внешних работ. В числе указанных побегов, 30 сентября был совершен побег политическими каторжанами М. Довнарвичем и М. Пионтковским (ГАИО, ф.25, оп.6, д.3355, л.225; ф.226, оп.1, д.7, л.100). Оба эти поляка прибыли в Александровскую центральную в одной партии 12 марта 1907 г. Вслед за своим женихом из Варшавы в село Александровское приехала невеста М. Довнарвича и поселилась в доме Негодяевой. После помещения М. Довнарвича и М. Пионтковского в каторжную тюрьму, они почти сразу же были переведены в рабочую команду при больнице. Перевод этих каторжан был мотивирован тем, что, во-первых, они были безукоризненного поведения, во-вторых, как краткосрочники (М. Довнарвич осужден на 3 года, М. Пионтковский — на 2 года), поэтому они не должны были бежать (Там же, ф.25, оп.6, д.3355, л.226). Однако, эти выводы администрации тюрьмы были опровергнуты побегом вышеупомянутых политических каторжан. Находясь, практически на свободе, они имели возможность подготовить свой побег в достаточной степени — запастись одеждой, деньгами, документами, лошадьми и пр. Немаловажную роль, по видимому, сыграла и невеста М. Довнарвича. В результате всех этих действий побег был успешным.

Тем не менее, побег не всегда были хорошо продуманы и спланированы, поэтому большой процент побегов был неудачным. В этом же 1907 г., политическим каторжанином Б. Туркевичем была предпринята попытка побега, которая не увенчалась успехом. В итоге беглец был пойман, закован в цепи и посажен в одиночку (Там же, ф.р.1406, оп.3, д.215, л.3). Известно, что Б. Туркевич умер в Александровском центре.

Значительная часть побегов совершалась уголовными каторжниками. Чтобы предотвратить побег, или хотя бы сократить их число, Комитет Александровской центральной каторжной тюрьмы принял постановление об увеличении численного состава служащих тюрьмы с 15 октября 1907 г. Но и эта мера не возымела должного воздействия. Побег продолжали иметь место.

Самым значительным, как в количественном отношении (по участникам побега) так и по способам его осуществления, был побег-прорыв из здания Александровского централа 10 апреля 1908 г. Данный факт имеет широкое освещение как в официальных документах, так в воспоминаниях политических каторжан, в исследованиях советского и постсоветского периодов (Там же, ф.25, оп.6, д.3562, л.8; д.3754, л.4–38; ф.р.1406, оп.3, д.215, л.6–13, 15–22; Алкснис Э., Бокмельдер Э. *Центральная каторжная // Сибирь*. 1973. № 6. С. 119; Быкова Н.Н. *История одного побега из Александровского централа // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2004. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. С. 62–66; Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... Минск, 1971. С. 286–289; Жуковский-Жук И. К истории побега из Александровского централа // *Каторга и ссылка*. 1925. № 1. С. 220–224; *Иркутский окружной суд: Дело о побеге из тюрьмы // Право*. 1910. № 12. Стлб. 757–758; *Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905–1910 гг. // Журнал мин-ва юстиции*. 1910. № 7. С. 178; Кудрявцев Ф.А. *Александровский централ... Иркутск, 1936. С. 54–58; Минаев И.И. Как мы бежали из Александровского централа // Каторга и ссылка*. 1923. № 6. С. 152–153; *Обзор революционного движения в округе Иркутской Судебной Палаты за 1908 год*. СПб.: Сенат. типография, 1909. С. 16; *Фабричный П. Вооруженный побег из Александровского централа // Каторга и ссылка*. 1922. № 4. С. 122–125). Следует отметить, что в печати есть множество неточностей и разночтений по данному вопросу. Так, «Журнал министерства юстиции», говоря о побеге, называет место совершения массового побега — Иркутскую тюрьму (*Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905–1910 гг. // Журнал мин-ва юстиции*. 1910. № 7. С. 178). В разных источниках имеются разные данные и о количестве участников этого побега. Называются цифры 17, 19 (Алкснис Э., Бокмельдер Э. *Центральная каторжная // Сибирь*. 1973. №6. С.119; *Обзор революционного движения в округе Иркутской Судебной Палаты за 1908 год*. СПб.: Сенат. типография, 1909. С. 16), вместо 20. Кроме того, в материалах приводятся разные цифры о числе раненых, убитых, отравившихся.*

Необходимо отметить, что это был подготовленный и организованный массовый побег. Из 20 участников побега — 13 были представители разных политических партий, 4 — беспартийные, но осужденные по политическим статьям, и 3 — уголовные каторжники.

Этот побег готовился длительное время и планировался на 25 апреля 1908 г., но по некоторым обстоятельствам был перенесен на более ранний срок и совершен 10 апреля в «страстной четверг». Многие факты этого побега мы узнаем из воспоминаний бывших политических каторжан, однако не всегда они объективны. Так, один из рецензентов мемуаров И. Минаева (участника побега) отмечал: «В воспоминаниях

много субъективизма, личных переживаний, в некоторой степени отсутствует историчность» (*ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 1479, л. 4*), порой много неточностей. Объяснить это можно, на наш взгляд, тем, что воспоминания чаще всего были написаны некоторое время спустя после побега и в памяти «стерлись» некоторые фрагменты данного события. Поэтому существенным дополнением для изложения материалов массового побега-прорыва из Александровского централа являются архивные документы. Из телеграммы в канцелярию Иркутского генерал-губернатора можно сделать такое уточнение, что побег был совершен в 3 часа дня и арестанты бежали через главный вход тюрьмы, находясь в это время на прогулке. При побеге были убиты 3 надзирателя, ранены — 5; арестантов убито 2, ранено — 5, всего бежало за пределы тюремной ограды — 13 (*ГАИО, ф. 25, оп. 6, д. 3562, л. 8*). Срочно была организована облава и отправлена погоня вслед бежавшим. В результате из 13 бежавших: 12 были пойманы, а одному политическому каторжанину — В. Ауэрбаху, — удалось скрыться.

Необходимо сказать, что по факту побега было произведено расследование Иркутским губернским тюремным инспектором А.С. Зайцевым, в документах которого приведены конкретные факты, цифры, фамилии. На основании справки, приложенной к делу, видно, что у администрации тюрьмы появились подозрения о готовившемся побеге. «7 апреля 1908 г. тюремными надзирателями при осмотре дров, доставленных в тюрьму из склада, было замечено 2 полена загрязненных и как бы состоящих из двух полен каждое, сбиты гвоздями, внутри их выдолбленный желоб, где находились 3 компаса, глицерин и бертолетова соль. Был заподозрен массовый побег из тюрьмы... Тщательный обыск в тюрьме ничего не дал» (*Там же, д. 3754, л. 27об.*). По всей видимости, именно по этой причине, срок побега был перенесен на 10 апреля, откладывать который на запланированный ранее срок было нельзя. Подозрения администрации тюрьмы могли привести к новым ужесточениям тюремного режима и тогда побег был бы вообще не осуществимой мечтой. А в начале апреля режим в Александровском центреле оставался еще относительно свободным. Это отмечает в своих воспоминаниях П. Фабричный: «Разрешалась прогулка 4-5 камер вместе и по несколько часов. Сообщение между камерами и переход из одной в другую были возможны» (*Фабричный П. Вооруженный побег из Александровского централа // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 121*). Поэтому было решено бежать и как можно скорее.

Было бы проще бежать арестантам одной камеры, однако документы расследования показывают, что бежавшие заключенные были из разных камер: камера № 14 — В. Ауэрбах, А. Голумянц, Ф. Огороднов, Я. Пазгле; камера № 15 — А. Бахтин, А. Зыбин, Д. Иванов, А. Кливоденко, А. Малиновский, С. Неизвестный, Хашиев, А. Шмидт; камера № 16 — Л. Годун, Г. Тур, В. Честнов; камера № 19 — С. Ильинский, П. Мошкин;

в мастеровых камерах — И. Минаев, А. Тагиев, С. Тополин (ГАИО, ф.25, оп.6, д.3754, л.30).

Следует отметить причины, которые выступали движущей силой данного побега, объединявшие каторжан разных камер. Во-первых, усиление реакции с последовательным усилением щеголовитовского режима, проводимого смотрителем Ф. Савицким в центральном. Во-вторых, жажда воли и участие в продолжении революционной борьбы с царизмом. Это и подталкивало наиболее энергичную и решительную часть каторжан на подготовку массового побега и его реализацию.

Из бежавших только двое были вооружены ножами, затем уже в схватке с охраной тюрьмы Л. Годун завладел огнестрельным оружием. Элемент внезапности со стороны заключенных не какое-то мгновение парализовал стражу. Это дало несколько секунд, которыми воспользовались беглецы и прорвались с территории тюремного двора. Однако, вооруженная охрана подняла стрельбу и начала преследование. В результате были убиты Л. Годун и Д. Иванов. В этот же день были задержаны А. Тагиев, А. Шмидт, В. Честнов и С. Тополин, из которых двое последних умерли в тюремной больнице от ранений на следующий день. 11 апреля в с. Еловка в 12 верстах от с. Александровского задержан Г. Тур, а 15 апреля у с. Хомутово были задержаны и доставлены в Иркутскую тюрьму каторжане А. Голумянц С. Ильинский, П. Мошкин; 17 апреля у с. Оек задержаны и остальные, бежавшие из тюрьмы. Остался не найденным В. Ауэрбах (*Там же, ф.р. 1406, оп 3, д.215, л.11*).

По данным картотеки удалось установить возраст арестантов, совершивших этот дерзкий побег. Самый молодой из них был Я. Паэгле — 19 лет, самый старший — А. Тагиев — 44 года. Возраст остальных не превышал 30 лет. Иркутским временным военно-окружным судом 23 января 1909 г. все 15 подсудимых были признаны виновными в сговоре между собой для побега из тюрьмы. При этом им вменялось убийство надзирателей: Бакулина, Карпова, Парамонова и нанесение тяжких ран надзирателям Герасимову, Грозину и стрелку Баеву. Суд приговорил всех участников побега к смертной казни через повешение (*Там же, л.12–13*).

Однако, приговоренные к смерти люди решили в последний раз выразить протест своим палачам, приняв яд, переданный им через товарищей с воли. Четверо из них умерли. Это А. Голумянц, А. Зыбин, А. Кливоденко и С. Неизвестный. Казнь остальных была отложена, а затем заменена на вечную каторгу. Вечники были отправлены на рудники Нерчинской каторги.

Побег 10 апреля 1908 г. вошел в историю Александровской каторги как один из ярких примеров героической борьбы заключенных в царских застенках за свободу. И в тоже время он стал удобным предлогом для «закручивания» порядка в каторжной тюрьме. Сразу же начались повальные обыски. Все заключенные тюрьмы были закованы в канда-

лы. Были изъяты книги, заключенные лишались переписки с родными и знакомыми, а также запрещались и прогулки. С этого времени по всей тюрьме в коридорах появились железные решетки. Все политические каторжане были перемешаны в массу с уголовными преступниками.

Но ужесточение каторжного режима в тюрьме не только не могло остановить побеги заключенных, но и в какой-то степени стимулировало их. Одним из нашумевших был побег, совершенный их здания тюрьмы в ночь с 1 на 2 мая 1911 г. (*Там же, д.4214, т.1, л.88–89; ф.34, оп.1, д.1726, л.17; ф.226, оп.1, д.78, л.16*). Этот побег имел период очень длительной подготовки. Участниками его были политические каторжане А. Арзуманов и С. Файнберг. Одиночная камера №9, в которой содержались бежавшие, располагалась на нижнем этаже и от наружной стены, выходящей на улицу, ее отделяла еще одна крайняя одиночная камера. По площади одиночки были небольшие, и было решено сделать подкоп из камеры № 9, который проходил бы под полом соседней камеры. В результате длительной, кропотливой и рискованной работы такой подкоп был прорыт. А. Арзуманов и С. Файнберг вылезли за пределы тюрьмы наружу и бежали. Но, как свидетельствуют документы, были задержаны двумя тюремными надзирателями уже в 233 шагах от подкопа (*Там же, ф.34, оп.1, д.1726, л.17*).

В 1911 г. Коллектив политических каторжан принял резолюцию о запрещении побегов, мотивируя это желанием сохранить себя физически для революционной борьбы. Поэтому побеги в дальнейшем совершались, как правило, уголовными каторжниками. В 1913 г. было предпринято два крупных побега из здания Александровского централа. Первый был произведен из камеры, расположенной на втором этаже второго корпуса. Летней ночью бежало полдюжата уголовных каторжников. Было решено совершить побег через печную трубу. Отопление в камерах централа было печным и разобрав печную трубу, беглецы вылезли на чердак, затем на крышу. По крыше они попали на крышу первого корпуса и по заготовленной заранее веревке спустились вниз, а затем бежали в лес. Казалось бы, побег совершен и уже каторжники на свободе, но вскоре они были пойманы и возвращены в тюрьму.

Другой массовый побег, в котором участвовало до 20 каторжников, был запланирован также ночью и через крышу, как и предыдущий. Беглецы хотели пробраться по чердаку в другой конец корпуса, где находились мастерские, которые ночью были пустыми. Планировалось спуститься туда и взять некоторое оружие — ножи, топоры и пр. Затем по плану необходимо было выйти из мастерских через маленький дворик, за которым находились тюремные огороды. Но такие планы не были претворены в жизнь, так как уже на чердаке надзиратели обнаружили побег и подняли вооруженную стражу. Была открыта стрельба на поражение, в результате чего на чердаке 8 каторжников были убиты, не-

сколько ранены, а остальные успели вернуться в камеру. Так неудачно и трагично завершилась эта попытка получить свободу каторжниками Александровского центра.

Однако и политический каторжанин П.М. Никифоров 16 мая 1913 г. готовил побег через пролом стены камеры, в которой он находился. Эта подготовка была обнаружена надзирателями, и побег был предотвращен. За это П. Никифоров был лишен выписки продуктов из тюремной лавки, чтения книг и свиданий на 2 месяц (*Там же, ф. 34, оп. 1, д. 6062, л. 4; Маджаров А.И. Новые документы об узнике Александровского центра П.М. Никифорове // Советские архивы. 1981. № 6. С. 61*).

Кроме побегов, одной из крайних форм протеста были акты самоуничтожения. К ним прибегали в крайних случаях — когда уже все формы протеста были использованы, но не возымели позитивных результатов. Поэтому арестанты шли на эти крайние меры, показывая свое уничтожение как некое доказательство несогласия с очередными ужесточениями, предпринимаемыми тюремной администрацией. Самоуничтожение в Александровской тюрьме осуществлялось через удушение, отравление. После принятия резолюции Коллектива политических каторжан о запрещении побегов наблюдается учащение фактов самоуничтожения политических каторжан через удушение. Таких примеров достаточно для подтверждения данного положения. 26 июня 1912 г. повесился на чердаке пекарни Д. Бурцов. 28 октября этого же года в камере № 22 повесился осужденный по 2 ч. 102 ст. УУ З.М. Фетисов. В 1913 г. покончил жизнь самоубийством И.И. Орлянкин. Длительное время политический каторжанин А.Ф. Файбисьяк содержался в одиночной камере (Файбисьяк Арон Файфелевич осужден Варшавским военно-окружным судом по 279 ст. СВП к смертной казни, затем заменена на бессрочную каторгу, в Александровском центре с 1907 по 1913 гг.). За оскорбление на словах письмоводителя тюрьмы был наказан карцером. 26 июня 1913 г. он повесился в карцере, выразив тем самым протест против его наказания, да и против режима каторги в целом.

Попытка массового отравления ядом была предпринята каторжанами-участниками побега 10 апреля 1908 г. После неудавшегося побега и суда, приговорившего беглецов к смертной казни, было принято решение пойти на крайнюю меру — самоубийство, выразив тем самым протест решению суда. В результате этого акта 4 умерли, но их смерти спасли остальных. Решение суда было пересмотрено и принято новое — бессрочная каторга. Акты самоубийства не были редкостью в Александровском центре, они были лишь одной из форм протеста против режима каторги.

Таким образом, заключенные Александровского центра использовали разнообразные формы протеста против режима каторги. Этим они выражали свое несогласие и продолжали борьбу за улучшение условий жизни и свое освобождение. Среди форм протеста наиболее яркими яв-

ляются побеги каторжан, которые, несмотря на смертельную опасность, нашли наибольшее распространение в начале XX века в Александровской центральной каторжной тюрьме.

С.В. ГУЗЕНКОВ

КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА И ОБРАЗОВАНИЕ ПАРОХОДНЫХ КОМПАНИЙ НА БАЙКАЛЕ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX—начале XX вв. пароходство на Байкале получает свое дальнейшее развитие. Концентрация капиталов приводит к образованию новых более мощных пароходных компаний.

16 декабря 1880 г. в Кяхте был подписан договор об учреждении «Кяхтинского пароходного товарищества». Его учредители — Коммерции советник, Потомственный почетный гражданин, тарский купец первой гильдии А.Я. Немчинов и группа кяхтинских купцов располагали значительными капиталами — 360 тыс. р. серебром, разделенными между участниками на 30 паев, стоимостью 12 тыс. р. каждый (ГАИО, ф.480, оп.1, д.222, л.1).

«Товарищество на вере» видело свою цель «в устройстве пароходного движения для перевозки товаров по Байкалу и рекам Селенге и Ангаре» (Там же).

С появлением «Кяхтинского пароходного товарищества» судьба компании-предшественника «Байкальское пароходство» была предрешена. Ее владельцы, понимая, что не смогут конкурировать с новой транспортной фирмой, согласились на поступившее к ним предложение через Г.Ф. Шишелова о продаже своего пароходно-транспортного предприятия новому владельцу, что и произошло 7 февраля 1881 г. По договору движимое, в том числе и пароходы, а также недвижимое имущество на сумму 300 тыс. р. переходило в собственность «Кяхтинского пароходного товарищества», которое внесло в банк в «пользу города» — 292 500 р. (Там же, ф.32, оп.1, д.1153, л.5).

Намерение байкальских предпринимателей И.М. Могилева, И.И. Могилева, М.И. Шмулевича создать пароходную компанию «Товарищество на вере транспортирования кладей по Байкалу» (май 1881 г.), владея двумя парусными шхунами и с возможным расширением «провозных сил» в дальнейшем с целью ликвидировать монополию «Кяхтинского пароходного товарищества», как единственного грузоперевозчика, в частности, путем понижения грузовых фрахтов, реализовано не было. В 1887 г. в байкальском бассейне начала работать конкурирующая фирма — «Товарищество сибирского пароходства», созданная байкальски-